

Andriej Ranczyn
Moskwa

Поэтика антитез и повторов в Сказании о Борисе и Глебе

Сказание о Борисе и Глебе – одно из самых распространенных оригинальных житий в древнерусской письменности. Сохранилось больше 220 списков Сказания¹. (Для сравнения: другое пространное житие русских князей-братьев – Чтение о Борисе и Глебе Нестора – известно менее чем в 30 списках².) Едва ли абсолютное предпочтение книжниками и их читателями Сказания, а не Несторова Чтения объясняется тем, что «[a]нонимное Сказание стало уже официальным, каноническим памятником, когда Нестор приступил к написанию своего Чтения» (С. А. Бугославский)³. Во-первых, не очевидно, что Сказание было написано раньше жития Бориса и Глеба, составленного Нестором: по этому вопросу существуют различные гипотезы. Во-вторых, даже если это и так, простое хронологическое первенство еще никак не объясняет, почему житие, якобы созданное раньше, стало основной агиобиографией братьев-мучеников. Оно вполне могло оказаться вытеснено житием позднейшим, как это нередко происходило в истории древнерусской словесности⁴. Ведь понятие «канонический памятник» к агиографии не применимо: в этом отношении жития принципиально отличаются от книг Священного Писания (даже учитывая некоторую неустойчивость библейского канона) или от икон.

Представляется, что Сказание возобладало над Чтением в рукописной традиции по ряду причин, одной из которых является, несомненно, большее эстетическое совершенство: Сказание отличается глубоким психологизмом, эмо-

¹ С. А. Бугославским был учтен в 1940 г. 171 список Сказания: Бугославский С. А., *Текстология Древней Руси*. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, с. 15. В современном научном издании памятников Борисоглебского цикла, осуществленном Дж. Ревелли, приводятся сведения о 226 списках: Revelli G., *Monumenti letterari su Boris e Gleb. Letterature memorie di Boris e Gleb*, Genova 1993, p. 1-82.

² С. А. Бугославский рассмотрел 19 списков Чтения: Бугославский С. А., *Текстология Древней Руси*. Т. 2, с. 211; Дж. Ревелли указала 26 списков: Revelli G., *Monumenti letterari su Boris e Gleb. Letterature memorie di Boris e Gleb*, p. 581-590.

³ Бугославский С. А., *Текстология Древней Руси*. Т. 2, с. 211.

⁴ Ср., например, вытеснение изначальной Епифаниевской редакции Жития Сергия Радонежского более поздними, принадлежащими Пахомию Логофету.

циональным воздействием на читателя, и виртуозной структурированностью текста, усиливающей такое влияние. Доминантными принципами, определяющими структуру памятника, являются повтор и антитеза.

Об общей роли обоих принципов выразительно писал В. Н. Топоров. Как показал исследователь, текст Сказания содержит многочисленные парные антитезы и параллелизмы; принцип парности, по наблюдению ученого, реализуется не только на стилистическом, но и на мотивном уровне: благодатной парности братьев противопоставлена греховная двойственность Святополка⁵. Подвиг Бориса и страсотерпчество Глеба, как и образы братьев в целом, образуют повтор, при этом святая двоица противопоставлена их убийце Святополку, обремененному греховной двойственностью (он рожден «от двух отцов»).

Наблюдения В. Н. Топорова могут быть существенно расширены. Принцип антитезы определяет поэтику пространства в Сказании, о чем мне уже приходилось писать⁶. Прием антитезы определяет и повествование в целом – начиная с описания намерений и поступков Святополка и Бориса сразу после смерти князя Владимира. О Святополке говорится:

Пришедъ Вышегороду ночь, отай призва Путьшо и вышегородскыѣ мужѣ и рече имъ: «Повѣдите ми по истинѣ, приязнство имѣете ли къ мнѣ?» Путьша рече: «Вси мы можемъ главы своя положити за тя».

Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяй добра человѣка, яко вьсю надежу свою на Господа положиль есть святыи Борисъ, начать подвижнѣи бываати, и обрѣтъ, якоже преже Каина на братоубийство горяща, тако же и Святопѣлка. По истинѣ вѣторааго Каина улови мысль его, яко да избиеть вся наслѣдники отца своего, а самъ прииметь единъ вьсю власть.

Тѣгда призва къ себе оканьный трѣклятый Святопѣлкъ съвѣтъники всему злу и началники всей неправдѣ, и отъвързъ пресквѣрньная уста рече, испусти злыи гласъ Путьшинѣ чади: «Аще убо главы своя обѣщастея положити за мя, шедьше убо, братия моя, отай, кѣде обрящете брата моего Бориса, съмотрьше время убиите и´». И обѣщаша ему тако створити⁷.

Намерение «второго Каина» убить брата реализуется в тексте по принципу возрастающей градации: сначала Святополк испытывает верность своих приспешников, еще не объявляя о приказе убить Бориса; затем это желание,

⁵ Топоров В. Н., *Святость и святые в русской духовной культуре*. Т. 1. Первый век христианства на Руси. Москва 1995, с. 495-500.

⁶ Ранчин А. М., *Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях*, Москва 2007, с. 75-85.

⁷ *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 2. XI-XII века. Санкт-Петербург 1997, с. 332-334. Далее Сказание цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте статьи.

уже горевшее в будущем братоубийце, подпитывает и делает окончательным «поймавший» грешника дьявол; после этого Святополк вновь призывает к себе верных вышегородцев и уже прямо отдает повеление убить Бориса. В Чтении Нестора этой градации нет, нет, в том числе, и двойного совещания Святополка со своими людьми.

Деяниям великого грешника противопоставлено поведение святого Бориса. Воины, бывшие под началом святого, призывают его к походу на Киев и к свержению Святополка с престола:

Блаженный же Борисъ якоже ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Лѣтъ шатъры. И рѣша къ нему дружина: «Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отъни, се бо вси вои въ руку твоею суть». Онъ же имъ отвѣщааваше: «Не буди ми възяти руки на брата своего и еще же и на старѣйша мене, егоже быхъ имѣлъ, акы отьца». Си слышавъше вои разидошася от него, а самъ оста тѣкъмо съ отроки своими (334).

Две ситуации, две беседы с подначальными людьми одновременно похожи в плане означающих, и диаметрально противоположны в семантическом отношении. Оба князя беседуют с о своим окружением. В обеих ситуациях предлагается расправиться с антагонистом – убить / изгнать его. Но при этом в случае со Святополком инициатором оказывается князь, а его приспешники – лишь послушными исполнителями злодеяния, ситуация, в которой действует Борис, – зеркально противоположная: инициатива исходит от воинов, а князь отказывается, обрекая себя на неминуемую гибель.

Антитеза усилена благодаря паронимической аттракции: *Вышгород* – город, где Святополк отдает свое злодейское приказание, и *вышегородцы* – исполнители повеления – противопоставлены праведному Борису, который

(...) помышляаше слово премудраго Соломона: «Правдѣдници въ вѣкы живуть и отъ Господа мзда имъ и строение имъ от Вышняго» [ср.: Притч. 2: 21; 14: 32]. И о семь словеси тѣчию утѣшашеся и радоваашеся (334).

Лексемы *Вышгород* и *вышегородцы* приобретают контекстуальные коннотации ‘грех’, ‘злодеяние’, в то время как однокоренная лексема *Вышний* обозначает абсолютную Праведность и Истину.

Искусное сочетание основанного на зеркальной симметрии повтора и антитезы проявляется в отношении Бориса и его убийцы к родительскому греху: Борис не желает повторить грех отца – Владимира, повинного в свержении своего брата Ярополка (родного Святополкова отца), в то время как Святополк (но уже после убиения Бориса), решая предать смерти и Борисова брата – Глеба и вспоминая о грехе своей матери – бывшей монахини, вступившей в

брак, приходит к противоположной мысли – он готов и удвоить собственное злодеяние, и прибавить свой грех к материнскому:

Зане егоже [Бориса] Господь възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо безаконие. Обаче и матере мояе грѣхъ да не оцѣстится и съ правдѣнными не напишюся, нъ да потрѣблюся отъ книгъ живущихъ (338).

Поэтика антитезы прослеживается и в описании поведения Глеба и его убийц:

И яко узрѣ я святыи, възрадовася душею, а они узрѣвъше и омрачахуса и гребяхуса к нему, а съ цѣлования чаяше отъ нихъ приятии (340)..

В описании же убийства Бориса и Глеба прослеживается дважды повторяющаяся деталь – блеск оружия убийц. Борис

(...) абие узрѣ текущихъ къ шатѣру, блистание оружия и мечное оцѣщение. И без милости прободено бысть чѣстное и многомилостивое тѣло святого и блаженаго Христова страсотърпыца Бориса. Насунуша копии оканьнии Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько (336).

Когда ладья с посланцами Святополка встречает корабль Глеба,

(...) и яко быша равню пловуще, начаша скакати зѣлии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльщащася, акы вода (340)⁸.

Принцип двоичности проявляется и в описании приготовления Бориса к приятию мученической смерти – в этот момент при князе остаются только двое приближенных: священник и дружинник-слуга (отрок). Само убийство Бориса удвоено: сначала сообщается о его смерти на Альте, затем – об убийстве ожившего мученика, тело которого везли в телеге, двумя варягами⁹. На-

⁸ Образ восходит к славянскому тексту Первой Книги Царств; на эту параллель указал А. С. Демин: Демин А.С., *Сравнение «акы вода» в «Сказании о Борисе и Глебе» и жалостливость Владимира Мономаха*, [w:] Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13, отв. ред. Д.С. Менделеева. Москва 2008, с. 400. Славянский текст 1 Цар. 17: 7 является результатом неверного перевода с греческого: в греческом тексте речь идет о сравнении с ткацким орудием, что отметили еще А. В. Горский и К. И. Невоструев: *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки* [составили А.В. Горский и К.И. Невоструев]. Отд. 1: Священное Писание, Москва 1855, с. 37.

⁹ Этот повтор может быть дублировкой, появившейся в результате контаминации двух разных источников; ср. обзор точек зрения в моих работах: Ранчин А. М. 1) *Вертоград зла-*

конец, гибель Бориса предварена смертью его отрока Георгия Угурина, прикрывшего господина от копий убийц.

Принцип двойного (парного) повтора последовательно реализуется и в плане выражения – на уровне синтаксической организации.

Многokrратно встречаются двухчастные бессоюзные, сложносочиненные и придаточные предложения:

Сърдце ми горить, душа ми съмысль съмущаеть (330); къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети (330); Къ кому прибѣгну, къ кому възърю? (330); Увы мнѣ, увy мнѣ! (330 – Борис, 340 – Глеб); «Боязни въ любовь нѣсть, съвършенная любви вѣнь измещеть страхъ» (330)¹⁰; Ты ми буди отъць — ты ми братъ и старѣи (330); И къждо въ души своей стонааше горестию сърдъчною, и вси съмущаахуся о печали (332); «Обидоша мя пси мнози и уньци тучни одържаша мя»¹¹; Бяше же съ родьмь угринь, имьньмь же Георгий. И бѣаше възложилъ на нь гривьну злату, и бѣ любимь Борисьмь паче мѣры (336); Святый же поиде въ кораблицы и сѣрѣтоша и´ устие Смядины (340); Отъца моего Василия призвахъ и не послуша мене (343); Слыши небо и вьнуши земле (342)¹²; «Възвратятся грѣшници въ адъ и вси забывающии Бога» (342-344)¹³; И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женущааго въ слѣдъ его (344); И тако обою животу лихованъ бысть: и съде не тъкъмо княжения, нь и живота гонезе, и тамо не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития погрѣши, нь и муцѣ и огню предасться (346); И есть могыла его и до сего дьне, и исходить отъ неѣ смрадъ зълый на показание чловѣкомь (346).

Текст Сказания весь испещрен повторами однородных членов:

(...) обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое (334); блистание оружия и мечное оцѣнение (336); чьстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженааго Христова стратотърпыца Бориса (336) [две пары повторов]; братия моя милая и любимая (336; ср.: «братия моя милая и драгая – моление Глеба, 340); умиленама очима и спадъшемь лицьмь (338); оного съмѣрение видя и слыша (338);

тословный, 55-62; 2) *Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме*, Saarbrücken 2011, с. 147-194. Но сейчас меня интересует не генезис дублировки, а ее соответствие поэтике повторов, характеризующей Сказание о Борисе и Глебе.

¹⁰ Цитата из 1 Иоан. 4: 18. Здесь парный синтаксический повтор содержится в цитате из Библии. Можно предположить, что – по крайней мере отчасти – поэтика синтаксических повторов в Сказании задана именно библейскими образцами. Интересно, что этой цитате предшествует другая реминисценция из того же источника (1 Иоан. 4: 20). Таким образом, апостольское послание цитируется *дважды*.

¹¹ Цитата из Пс. 21: 17.

¹² Глеб молится словами из Ис. 1: 2.

¹³ Цитата из Пс. 9: 18.

Не брезъте, братие и господе, не брезъте (340, два повтора); къ брату моему и господину (340); Не поръжете лозы не до коньца въздрастьша, а плодъ имуща (340); Молю вы ся и милъ вы ся дѣю (340); Се нѣсть убийство, нѣ сырорѣзание (342); вижь скърбь сѣрдьца моего и язву душа моя (342); прещедрый и премилостиве Господи (342); слъзь моихъ не премълчи, нѣ умилися на мое уныние (342); убиену же Глѣбови и повържену на пустѣ мѣстѣ межю дѣвѣма колодама (344); стонание и трясение (344); ни гонящааго, ни женущааго (344); вься съповѣдати или съказаати (346); болѣзни вься и недугы отъгонита (346); вѣ тьмницахъ и вѣ узахъ (346); цесаря цесаремъ и князя кнѣземъ (348); пособиемъ и защищениемъ (348); държавно побѣжаютьи, и ваю помощию хвалятыся (348); стълпа и утвържение (348); выший и превъший (348).

В молитвах Бориса и Глеба содержатся одни и те же или близкие выражения, и эти – уже лексические – повторы акцентируют основной сюжетный повтор, то есть мученическую гибель.

В одном случае синтаксическая парность (повтор однородных членов) сочетается с семантической: „небесная чловѣка еста, земельная ангела” (348).

Пара оксюморонов тождественна семантически (оба означают ‘словесно невыразимая святость’), при этом главные лексемы по своему словарному значению контрастны (ангел – человек), антитезу образуют и зависимые слова – определения (небесный – земной). Этот парный оксюморон, как известно, не оригинален и восходит к переводному Житию Саввы Освященного¹⁴. Однако только в Сказании – в отличие, например, от Несторова Жития Феодосия Печерского, где тоже есть эта словесная формула – этот парный оксюморон выразительно корреспондирует с поэтикой антитез и повторов, характерных для всего текста.

Вышеприведенные примеры – лишь малая часть словесных повторов, буквально пронизывающих текст Сказания о Борисе и Глебе.

Такое искусное, изощренное построение текста, проявляющееся на разных структурных уровнях, не является уникальным для древнерусской книжности¹⁵. Вместе с тем этот пример и нельзя отнести к числу тривиальных – в частности, благодаря сложному сплетению двух разных приемов – повтора

¹⁴ Источник был указан А.А. Шахматовым; см.: Шахматов А. А., *Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия*, [w:] Шахматов А. А., *История русского летописания*. Т. 1. *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*. Кн. 2. *Раннее русское летописание XI-XII вв.* Санкт-Петербург 2003, с. 24.

¹⁵ Различного рода повторы характерны для многих памятников древнерусской книжности и производны от числовой символики; см.: Кириллин В. М., *Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVI века)*, Санкт-Петербург 2000. Поэтика повторов и зеркальная симметрия характерны для Жития Сергия Радонежского; см.: Алисандратос Ю., *Симметрическое расположение эпизодов одной редакции «Жития Сергия Радонежского»*, [w:] *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*. Kiev, September 1983. Ed. by P. Debreczeny.

и антитезы. В какой-то мере поэтика повторов и антитез в Сказании навеяна особенностями синтаксиса текстов Священного Писания, цитируемых автором жития. Но в не меньшей степени она обусловлена самим фактом «парной» мученической непротивленческой кончины родных братьев, ставших жертвами еще одного брата – сводного или усыновленного отцом Бориса и Глеба Владимиром.

Несомненно, эти достоинства Сказания о Борисе и Глебе – одна из причин любви к нему древнерусских книжников и читателей.

SUMMARY

The poetics of antitheses and repetitions in the Legend on Boris and Gleb

In this paper I analyze the poetics of repetitions and antitheses in the Old Russian life (hagiobiography) – the *Legend on Boris and Gleb (Skazanie o Borise i Glebe)*. Repetitions and antitheses are considered at different levels of the text: figurative, subject, syntactic. It is shown that the principles of repetition and an antithesis define composition of all text and are used very skillfully and masterly. The Bible was a probable sample for the author. Very possibly, literary perfection of the text of the *Legend* became the reason of its popularity among Old Russian scribes and readers.